

ИНТЕРТЕКСТ «ГОГОЛЕВСКОГО ЖАНРА» В КРИТИКЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Розглянуто широко представлений у критиці Російського Зарубіжжя «гоголівський жанр» як особлива область написаного по той бік Росії тексту історії російської літератури. Інтертекст «гоголівського жанру» різноманітний за проблематикою, що відбила естетичні уподобання і інтереси авторів есе, статей, монографій і роздумів про Гоголя в критиці Російського Зарубіжжя. Однак, при всій різноманітності в «гоголівському жанрі», що продовжує дореволюційні дискусії про Гоголя, розпочаті ще за життя письменника, можна виділити лейтмотиви, «загальні місця»: антитеза Пушкін – Гоголь; думка про руйнуючий тотальний гоголівський сміх; твердження про талант Гоголя як хворобу, що породжує світ потворних персонажів письменника; ідея про тяжіння Гоголя до некрофільї; думка про Гоголя-пророка, Гоголя-вчителя суспільства, що сприймалося одними як найвище досягнення творчої еволюції письменника (Мочульський, Бердяєв, Шестов), а іншими – як найбільша трагедія, «велике горе» Гоголя й усієї російської літератури (Тэффі, В. Набоков). У колі різних претекстів інтертексту «гоголівського жанру» в критиці Російського Зарубіжжя домінує В. Розанов як адресат і другий учасник діалогу про Гоголя в російській емігрантській критиці.

Ключові слова: «гоголівський жанр», Російське Зарубіжжя, інтертекстуальність, претексти, ремінісценція, алюзія, цитата.

Рассмотрен широко представленный в критике Русского Зарубежья «гоголевский жанр» как особая область написанного по ту сторону России текста истории русской литературы. Интертекст «гоголевского жанра» разнообразен по проблематике, отразившей эстетические пристрастия и интересы авторов эссе, статей, монографий и размышлений о Гоголе в критике Русского Зарубежья. Однако, при всем разнообразии в «гоголевском жанре», продолжившем дореволюционные споры о Гоголе, начатые еще при жизни писателя, выделяются некие лейтмотивы, «общие места»: антитеза Пушкин – Гоголь; мысль о разрушающем тотальном гоголевском смехе; утверждения о таланте Гоголя как болезни, порождающей мир уродливых персонажей писателя; идея о мертвенности, тяготении Гоголя к некрофилии; мысль о Гоголе-пророке, Гоголе-учителе общества, что воспринималось одними как высшее достижение творческой эволюции писателя (Мочульский, Бердяев, Шестов), а другими – как величайшая трагедия, «большое горе» Гоголя и всей русской литературы (Тэффи, В. Набоков). В круге различных претекстов интертекста «гоголевского жанра» в критике Русского Зарубежья доминирует В. Розанов как адресат и второй участник диалога о Гоголе в русской эмигрантской критике.

Ключевые слова: «гоголевский жанр», Русское Зарубежье, интертекстуальность, претексты, реминисценция, аллюзия, цитата.

In the article the «Gogol genre», widely represented in the criticism of the Russian Literary Diaspora, is considered as a special area of the text of the history of Russian literature written on the other side of Russia. The intertext of the «Gogol genre» is diverse in its problems that reflect the aesthetic preferences and interests of the authors of the essay, articles, monographs and reflections on Gogol in the criticism of the Russian Diaspora. The problems of Gogol's role in the history of Russian literature (V. Zenkovsky, V. Sechkarev), the thoughts about the erroneous attribution of the author of «Dead Souls» as Realist (V. Nabokov, K. Mochulsky), the reflections on Gogol's aesthetics (V. Sechkarev, N. Teffi, A. Amfiteatrov) are in the focus of Gogol's theme. A special phenomenon is the writer's criticism of G. Gazdanov, A. Remizov, V. Khodasevich, V. Nabokov. A typical way to Gogol for Russian emigrants is described in B. Zaitsev's article «Life with Gogol» (1935), where three circles of Gogol's development are singled out, which also determined the possible ways of understanding-acceptance-rejection of the writer. However, despite all the diversity in the «Gogol genre», which continued the old controversies about Gogol, started during the lifetime of the listener, certain keynotes, «common places» stand out: the antithesis Pushkin-Gogol; the thought on the destroying total Gogol's laughter; the statements about the talent of Gogol as a disease that breeds the world of ugly characters of the writer; the idea of Gogol's propensity to necrophilia; the thought of Gogol the prophet, Gogol the teacher of society, which was perceived by some as a blessing and the highest achievement of the creative evolution of the writer (Mochulsky, Berdyaev, Shestov), and others as the greatest tragedy, the «great grief» of Gogol and of all Russian literature (Teffi, V. Nabokov). But one note is the most frequently repeated in the the intertext of the «Gogolian genre», including a wide range of pretexts, one note, which sometimes sounds like a counterpoint, but almost always is included in the intertext on a dialogical basis. The addressee or the second participant of the dialogue – V. Rozanov is established as a result of direct and indirect references to him, allusions and readable reminiscences. The intertextual «Gogol genre» in the criticism of the Russian Literary Diaspora is a part of the Gogol myth, the creation of which continues today.

Keywords: «Gogol genre», Russian Literary Diaspora, intertextuality, pretexts, reminiscence, allusion, quotation.

«При Карамзине мы мечтали.
Пушкин дал нам утешение.
Но Гоголь дал нам неутешное зрелище себя,
и заплакал, и зарыдал о нем».
(В. В. Розанов. Гоголь)

«Все в Пушкине ясно, все чисто
и все благословенно. Гоголь – загадка.
А загадку каждому дозволено разгадывать
в меру его разума и душевных сил».
(Н. Тэффи. После юбилея)

Имя Гоголя – одно из ключевых в критике Русского Зарубежья, что позволяет говорить о некоем «гоголевском жанре» как особой области написанного по ту сторону России текста истории русской литературы.

«Гоголевский жанр» представлен в критике Русского Зарубежья достаточно широко. Загадка Гоголя упорно манила к себе исследователей, а надломная российская действительность послеоктябрьского периода провоцировала попытки разобраться в роли и месте великой русской литературы и ее столпов, прежде всего Пушкина и Гоголя – культовых для нации фигур, в истоках тех событий, которые потрясли весь мир, разделив по-разному мыслящих русских людей непреодолимыми политическими и географическими границами.

Кажется, нет такой стороны творчества Н. В. Гоголя, которая не стала бы предметом размышлений в критике Русского Зарубежья: Д. Чижевский, А. Шик, Н. Первушин, Н. Е. Андреев заново перечитывают биографию писателя; демоно-

логия автора «Вия» и «Вечеров на хуторе близ Диканьки» попадает в фокус гоголевских опытов Д. Мережковского, Г. Мейера, В. Ильина, С. Высоцкого, Н. Бердяева, Н. Ульянова, З. Юрьевой, В. Филиппа. В фокусе гоголевской темы в Русском Зарубежье оказываются проблемы роли Гоголя в истории русской литературы (В. Зеньковский, В. Сечкарев), мысли об ошибочности отнесения автора «Мертвых душ» к реализму (В. Набоков, К. Мочульский), размышления об эстетике Гоголя (В. Сечкарев, Н. Тэффи, А. Амфитеатров). Особым явлением становится писательская критика Г. Газданова, А. Ремизова, В. Ходасевича, В. Набокова. Духовным и религиозным поискам писателя посвящены работы К. В. Мочульско-го «Духовный путь Гоголя» (1934) и В. В. Зеньковского «Н. В. Гоголь» (1961).

Путь к Гоголю у каждого из эмигрантов был свой.

Б. Зайцев в статье «Жизнь с Гоголем» (1935) выделяет три круга освоения Гоголя, определяя и возможные пути понимания-приятия писателя. Здесь гоголевское творчество разделено на три группы: 1) «Гоголь для юношества» («Тарас Бульба», «Страшная месть» и другие рассказы «Вечеров на хуторе близ Диканьки»); «Гоголь канонизированный и школьный, кончающийся первым томом Мертвых душ» [3, с. 132], 2) Гоголь молодости (статьи об искусстве, ранние письма) и 3) Гоголь зрелости (духовная проза) [3, с. 134]. Рассказывая о личном пути постижения Гоголя, Б. К. Зайцев, по сути, описывает процесс трансформации взглядов на автора «Вечеров» у целого поколения россиян, попавших в эмиграцию.

Движение к подлинному Гоголю начинается от детских, сформированных школой представлений, когда «Гоголь юной душе предстоит не весь, но героическо-поэтической своей стороной» [3, с. 132], а потом как реакция на казенную, хрестоматийную трактовку Гоголя в школах интерес к нему угасает, и в студенческие годы наступает перерыв: «Гоголь прочитан, это “классик”, великий писатель... ну и Бог с ним» [3, с. 133]. «Второе чтение» для поколения Б. Зайцева наступает в переломные 1900-е годы, когда начинается полоса «только эстетического отношения к писателю» [3, с. 135], интереса к его стилю и миру образов. Теперь перечитывается уже известное, но Гоголь представляется «не реалистом, основателем романа русского, и не юмористом-сатириком, осмеявшим Россию Николая Первого, а скорее писателем фантастическим, населявшим действительность своими чудищами» [3, с. 135]. И только в пору эмиграции, когда ощущение одиночества потребовало от самих изгнанников глубинных размышлений о времени и о себе, наступает черед для понимания зрелого Гоголя с его религиозными поисками и открытиями в сфере духа, приходит время для прочтения «Выбранных мест из переписки с друзьями», «Авторской исповеди», «Размышлений о Божественной литургии».

Однако результаты такого типического пути к Гоголю у русских эмигрантов были совсем различными. К. В. Мочульский («Духовный путь Гоголя») и В. В. Зеньковский («Н. В. Гоголь»), придя к пониманию зрелого Гоголя, посмотрели сквозь эту призму на все творчество писателя, обозначив новый подход, оформившийся в целое направление в изучении творчества Гоголя как религиозного писателя, и высоко оценили его духовные поиски.

Для Н. Тэффи результатом читательского взросления стало понимание неразрывной связи в таланте Гоголя эстетики и величайшей мудрости: «Первый раз прочла я «Мертвые души» подростком и почувствовала то же, что, вероятно, чувствует и большинство читателей. Душно... Отдохнуть не на ком. Про-

**Борис
Константинович
Зайцев
(1881–1972)**

**Гайто Газданов
(1903–1971)**

чтя теперь, прожив долгую жизнь, испытываю только художественный восторг перед мощью этого гигантского таланта» [9, с. 237].

Напротив, Гайто Газданов в программных «Заметках об Эдгаре По, Гоголе и Мопассане» (1929) начал с восторженного противопоставления гениального «магического реалиста» Гоголя (как позже назвал автора «Вия» С. Шаршун в статье «Магический реализм», 1932 г.) «средней» литературе (Э. Золя, В. Гюго, Н. Некрасов, А. Тургенев), возникающей под влиянием «общественной необходимости», а пришел к полному отрицанию гоголевского учительского пафоса в статье 1960 г. «О Гоголе», смыкаясь в этом с суждениями В. Набокова. Так из творческого ориентира для Газданова

Гоголь последовательно трансформировался в отрицательный пример проявления учительной роли русской литературы, ее претензий на «пророческое» значение.

Но сколь бы ни был разнообразен «гоголевский жанр» в критике Русского Зарубежья, в нем слышны отголоски старых споров о Гоголе, начатых еще при жизни писателя Белинским, Аксаковыми, Чернышевским, Апполоном Григорьевым. В этом большом и разноголосом хоре писателей и критиков, взиравших на Гоголя из своего эмигрантского далека, выделяются некие лейтмотивы, «общие места», то, что Н. Тэффи так точно определила формулой «Так говорят все» [9, с. 233]. Это, во-первых, повторяющаяся во всей статье Русского Зарубежья антитеза Пушкин – Гоголь, отразившая привычное противопоставление светлой пушкинской гармонии и соразмерности гоголевскому страшному и беспросветному взгляду на мир мертвых душ. Это мысль о разрушающем тотальном гоголевском смехе, бесчеловечное осмеяние всего и вся, после которого «стало не страшно ломать, стало не жалко ломать» [5, с. 277]. Это столь часто повторяемые утверждения о таланте Гоголя как болезни, которая порождает мир уродливых персонажей писателя, персонификацию его больной фантазии, о связи творчества писателя с сумасшествием. Это созданный в критике устойчивый образ писателя-человеконенавистника. Это идея о мертвенности, тяготении Гоголя ко всему неживому, к мотивам смерти, к некрофилии. Это и мысль о Гоголе-пророке, Гоголе-учителе общества, что было воспринято одними как благо и высшее достижение творческой эволюции писателя (Мочульский, Бердяев, Шестов), а другими – как величайшая трагедия, «большое горе» Гоголя и всей русской литературы (Тэффи, В. Набоков).

Даже возможность выделения этих общих для разных работ мотивов, объединяющих эмигрантскую критику с традициями дореволюционной русской литературной критики, позволяет говорить об интертекстуальной природе «гоголевского жанра» в критике Русского Зарубежья. Исследователи вычленили разные претексты этого интертекста, находя в нем голоса Л. Н. Толстого [11], И. С. Аксакова, Г. В. Адамовича, Льва Шестова, В. Розанова [4]; Ф. Достоевского, В. Вересаева, Д. Мережковского [2] и даже М. Мусоргского [10].

Но есть в этом общем «вспоминании» о Гоголе одна пронзительная нота, которую должен услышать чуткий исследователь. Чаше интертекст «гоголевского жанра» открыто вторит этой ноте; порой она звучит контрапунктом, но почти всегда включена в интертекст на диалогических началах. Адресат или второй участник диалога устанавливается в результате прямых и косвенных отсылок к нему, аллюзий и прочитываемых реминисценций.

Н. Тэффи, с присущей женщине болтливостью, проговаривается о подразумеваемом собеседнике в диалоге: «Мы только что прочитали прекрасные, толковые и очень умные статьи о нем (Гоголе. – О. К.), в

которых часто цитировался Розанов, определивший Гоголя как гениального писателя, но глупого человека» [9, с. 231]. Другие, умалчивая об имени, тем не менее демонстрируют очевидную зависимость от розановской концепции жизни и творчества Гоголя. Показателен, скажем, факт хронологического совпадения написания

Г. Газдановым в 1929 году двух статей «Миф о Розанове» и «Заметки об Эдгаре По, Гоголе и Мопассане» [4].

Понимая невозможность в небольшой статье осветить все аспекты проблемы из огромного массива «гоголевского жанра» в критике Русского Зарубежья, мы вычленим только небольшой фрагмент, позволяющий увидеть через анализ интертекстуальности объединительную роль «разрушителя» Гоголя в идейном противостоянии двух России.

Итак, Розанов и Русское зарубежье: диалог о Гоголе. Имел ли он место?

Предоставим слово собеседникам и начнем с дамы.

Разговор о Гоголе Н. Тэффи завела под впечатлением от юбилея писателя, вспоминая о юбилее Пушкина. Разговор получился отрывочным (он так и обозначен в названии эссе: «После юбилея (Отрывки впечатлений и разговоров)»; но из девятнадцати отрывков сложилась яркая, хотя и мозаичная, картинка.

Тонкие, индивидуальные наблюдения над поэзией жизни в «Тарасе Бульбе» (отрывок 6), о Чичикове и Собакевиче как двойниках Гоголя-моралиста (отрывок 9) соседствуют здесь с откровенным обращением к розановскому тексту Гоголя, с которым Тэффи и соглашается, и спорит. Реминисценцией розановского: «Он был гениальный живописец внешних форм» [6, с. 50], звучит фраза Тэффи: «Гоголь гениален, но не умен» [9, с. 232]. Совсем по-розановски размышляет она и о «неладном» в Гоголе, «уродстве каком-то, ... что отличает его от других, это и есть его «неладный» талант» [9, с. 232]; близость к тексту автора статьи «Гоголь» не нуждается в комментариях: «И Гоголь был похож на такого «бесноватого» <...> Мы всё склонны объяснять болезнью <...> Гоголь был, конечно, болен нравственными заболеваниями от чрезмерности душевных глубин своих <...> от этого «Вия» в нем <...> шла его таинственная и рациональная сила» [5, с. 278–279]. А разве не Розановым навеяна идея «Гоголь гениален, но не умен» [9, с. 232] или горькие замечания о том, что прочтение «Мертвых душ» вызывает чувство духоты: «Отдохнуть не на ком... Он (Гоголь. – О. К.) людей не любит, а злобный глаз зорок» [9, с. 238]? Да и ироническое отношение к назидательности автора «Выбранных мест из переписки с друзьями», который видится Тэффи в красном жилете «с укоризненно поднятым пальцем» [9, с. 232], звучат в пандан авторитетной в Русском Зарубежье розановской концепции творчества Н. Гоголя.

Рассуждая о великолепии гоголевских метафор и гипербола, о поражающем воображение мастерстве слова писателя («Редкая птица долетит до середины Днепра. Птица, даже не редкая, перелетает через море. Но чувствуется, что автор так захвачен красотой и величием описываемого, что сам теряет голову... Тут и читатель уже не рассуждает... Глаза жмурятся от этого яркого цвета» [9, с. 240–241]), не вторит ли Н. Тэффи розановским оценкам: «Мысли Толстого и Достоевского – сложнее, важнее. Но слово остается первым и непревзойденным у Пушкина и Гоголя» [8, с. 352]. И даже когда автор эссе «После юбилея», казалось бы, отвергает мысль Розанова о том, что русская литература разошлась с Гого-

Надежда Александровна Лохвицкая (1872–1952)

Василий Васильевич Розанов (1856–1919)

лем («Известен взгляд, по которому вся наша новейшая литература исходит из Гоголя: было бы правильнее сказать, что она вся в своем целом явилась отрицанием Гоголя») [6, с. 49], настаивая на безусловной зависимости послегоголевской литературы и, в частности Достоевского, от автора «Мертвых душ»: «Как высоко его ставил Достоевский и как глубоко засел Гоголь в его подсознательном» [9, с. 233], Тэффи в конце концов цитирует Василия Васильевича, принимая его истолкование творчества писателя как выплескивание некоей «болезни», замечая, что в своих отвратительных образах, которыми Достоевский болел, он извергал, «конкретизировал» то противное, что носил в себе тайно, дав «ему художественную плоть» [7, с. 233]. Не так ли понимал механизм безжалостного сатирического творчества Гоголя и Розанов, когда утверждал: «...не правильнее думать, что человечество грезило и он один видел правду, но, напротив, оно чувствовало и знало правду, ... а он сам грезил и свои большие грезы рассказал нам, как действительность» [6, с. 51].

Полемизуя с Розановым, называвшим Гоголя «врагом» России, Тэффи отсылает к первоисточнику этой оценки – суждениям современников Гоголя, напуганных его «Выбранными местами из переписки с друзьями». Но в оценке смеха: «Люди не слышат могучей силы смеха» (и здесь тоже очевидная полемика с Розановым, воинственно отвергавшим смех как сатанинское), – в конечном итоге, объединяется с розановским негативом, устами Достоевского заклеимив гоголевские слова о «смехе через невидимые миру слезы»: «Никогда еще на Руси не сказано более фальшивого слова, чем про эти «невидимые миру слезы» [9, с. 243].

Кольцевая композиция «После юбилея» подчеркивает важность розановского знака для автора. Открыв свое эссе прямой отсылкой к работам критика, Тэффи завершает его вариацией на тему известного пассажа из «Легенды о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского», где впервые В. В. Розанов обозначил антитезу «Гоголь – вся русская литература». Мысль автора опыта критического комментария к «Легенде о Великом инквизиторе» («Пусть изображенное им общество было дурно и низко, пусть оно заслуживало осмеяния: но разве уже не из людей оно состояло? Разве для него уже исчезли великие моменты смерти и рождения, общие для всего живого чувства любви и ненависти?») [6, с. 50]), уточняется Тэффи, прошедшей горькую школу эмиграции и проецирующей гоголевские маски на быт Русского Зарубежья: «Ноздрев? ... Он жив и сейчас, и так же врет, и так же пишет воспоминания. Плюшкин выдуман? А разве не встречали вы его, продавая билеты на благотворительный вечер?

Петух? Петух живет воспоминаниями. По ночам он вспоминает, сколько в России было супов...

Все живы. Великий мастер ничего не прибавил и не убавил. Он только не любил их. Не хотел знать, что они люди, а не маски, что похоронит Собакевич свою Федулю и сразу осунется и будет тупо постукивать ногтем по клетке своего дрозда, темного в крапинку, так на него похожего...

Все они смешные маски, пока не окликнул их Господь горем, болезнью близких, тоскою и смертью» [9, с. 244–245].

Розанов во многом определил и тот круг загадок Гоголя, которые пыталась разгадать и критика Русского Зарубежья. Являясь для современников ярчайшим образчиком исповедания «религии пола», именно Розанов поставил и проблеме «половой загадки Гоголя», к которой не единожды обращаются писатели и критики Русского Зарубежья. Утверждая, что автор «Мертвых душ» «не знал женщины», то есть у него не было физиологического аппетита к ней» [7, с. 392], Розанов видит в Гоголе некрофила; настаивая на том, что «половая тайна Гоголя находилась где-то тут, в «прекрасном упокойном мире» – по слову Евангелия: «Где будет сокровище ваше – там и душа ваша» [7, с. 392].

В унисон с Розановым Тэффи констатирует: «*Любовной жизни у Гоголя не было... О женщинах Гоголь рассказывать не умеет. Рассказывает о карикатурных дамах... О женщинах Гоголь пишет так, как будто никогда ни одной не видел, а знает только понаслышке*», но начинает этот отрывок с открытого возражения именно Василию Васильевичу, хотя и мистифицирует диалог, якобы имевший место после юбилея:

« – Гоголь некрофил.
 – Откуда вы это взяли?
 – Очень хорошо описывал мертвую панночку-ведьму.
 – Так ведь он описывает ее как живую. Она розовая, белая, как все гоголевские красавицы... Нигде здесь некрофилии не видно» [9, с. 234–235].

А вот Александр Амфитеатров к 80-й годовщине кончины Гоголя, включаясь в этот многолетний диалог-полемику критики Русского Зарубежья с Розановым о Гоголе, бросает свою реплику-статью о женщинах писателя.

Соглашаясь с розановской идеей приоритета для Гоголя нездешнего мира, он писал: «*Пером Гоголя порождены едва ли не самые яркие, самые захватывающие изображения женской красоты, самые увлекательные ее гиперболизации. Но это не красавицы человеческой породы, а – нечистая сила*»; *стихийные «духи», ... ведьма-людоедка, вампир, труп. Это трагические привидения*» [1, с. 63].

В то же время статья Александра Амфитеатрова внутренне полемична по отношению к розановскому тексту Гоголя. Чего стоит только типология женских образов, предложенная Амфитеатровым: «первобытные самочки», добавочные «жанровые» фигуры к пейзажу; чудовища женской пошлости; олицетворение «прекрасности зла»: сила «демонически-победительная, пагуба мира»; бестелесная, «книгорожденная тень» – «идеальная русская дева» Улинька Бетрищева [1, с. 61–64]. Само выделение автором очаровательных «*резвых нимфочек украинских вишневых садочков*» как первого типа женщин в произведениях раннего Гоголя [1, с. 61–62] уже готовит возможность увидеть другого Гоголя: Гоголя не бесполого, а страстного.

Не соглашаясь с автором «Опавших листьев», Амфитеатров прозревает не только «*страстность, но даже чувственность – порою до грубости*» «насыщенного полом» творчества Гоголя, страстность, которая дышит «в женских типах гоголевского рисунка». Включая в свой интертекст записные книжки Гоголя, Амфитеатров замечает: «*И в записной книжке мученика фантазии на одной странице – выдержка из Давидова псалма, либо запись, кого из друзей надо помянуть у Гроба Господня; а на другой – неровным, страстным почерком: «Бежит обтянутая запаской у пояса, и трясутся под полотном трепещущие груди, а лишённые обуви ноги, обнаженные до колен, кровью и здоровьем играют*» [1, с. 65–66].

Интертекст оказывается открытым для разных участников и голосов. Привлекая в союзники В. Брюсова, назвавшего Гоголя в своей речи при открытии памятника писателю в Москве «испепеленным», Александр Амфитеатров настаивает на том, что скрываемая Гоголем страстность, которую писатель стремился побороть через обращение к религии, не привела к разрешению спора природы с идеалом. И Гоголь был испепелен «бурным пламенем своей двойственности» [1, с. 66]. Пытаясь вслед за В. Розановым разгадать «половую загадку» Гоголя, А. Амфитеатров завершает свою статью вопросом: «*Но, при страстности Гоголя, это значило ставить свечу поочередно то Богу, то сатане, и, стало быть, жечь ее с двух концов. И как знать, который конец горел жарче и быстрее, – сатанинский ли, возжигаемый «демонским стремлением, его же не могу тер-*

Александр
 Валентинович
 Амфитеатров (1862–
 1938)

пети», или Божий, возжигаемый покаянными молитвами о милости и забвении противовольного, но всегда побеждающего греха» [1, с. 67].

Гоголь Розанова незримо присутствует и в портрете писателя, написанном Всеволодом Сечкаревым, и в рассуждениях В. Набокова о «до смешного неправильных», распространенных оценках «Мертвых душ» как описания реальной русской действительности.

Автор написанной к 140-й годовщине Гоголя книги «Nikolaï Gogol», вышедшей в Нью-Йорке в 1944 году, подобно В. Розанову, отвергнутому абсолютно осуждающего смешную человеческую натуру Гоголя, не прощает автору «Выбранных мест из переписки с друзьями» подавляющей читателя назидательности, вынося суровый приговор: «Художник умирает тогда, когда он начинает задумываться над ролью творчества, над вопросами: «Что такое искусство?» или «Какова миссия художника?» [12, с. 119].

**Владимир
Владимирович
Набоков (1899–1977)**

Думали ли писатели и критики Русского Зарубежья о Розанове, когда писали о Гоголе и сотворяли свой «гоголевский жанр» как интертекст? Если и не думали (хотя реминисцентно-цитатная, диалогическая природа их статей и книг свидетельствует об обратном), то, безусловно, отразили факт активного усвоения розановского текста о Гоголе национальным коллективным бессознательным. «Гоголевский жанр» оказался единым по обе стороны границы, проведенной Октябрем между россиянами и россиянами. А противоречивый В. Розанов, который, по словам З. Гиппиус, писал «двумя руками разное», соединял российские души, заставляя споривших или соглашавшихся с ним (по ту сторону России) понять неоднозначность этой России сквозь призму оценок загадочной и противоречивой личности Гоголя. Отмечая влияние В. Розанова и Л. Шестова на восприятие Гоголя Г. Газдановым, С. Кибальник объяснил это воздействие мировоззренческим сходством, принадлежностью писателя и философа к русской экзистенциальной традиции. Этот аспект, безусловно, тоже есть, но только им доминирующая роль розановского текста в «гоголевском жанре» критики Русского Зарубежья в целом, конечно, не исчерпывается, как не исчерпывается Розановым «чужое слово» в интертексте гоголиады, созданной эмигрантами.

Видимо, следует говорить не о праве первородства в тех или иных оценках Гоголя, а о гоголевском мифе, который, подобно пушкинскому мифу, слагали многие поколения читателей и исследователей творчества писателя. Интертекстуальный «гоголевский жанр» в критике Русского Зарубежья – часть этого мифа, сотворение которого продолжается и сегодня.

Библиографические ссылки

1. Амфитеатров А. Женщины Гоголя (К 80-й годовщине кончины Гоголя) / А. Амфитеатров // Трудный путь. Зарубежная Россия и Гоголь. – М. : Русский Мир, 2002. – С. 60–67.
2. Андрущенко Е. А. Взгляд, обращенный назад / Е. А. Андрущенко // Н. В. Гоголь и Русское Зарубежье: Пятые Гоголевские чтения / под ред. В. П. Викуловой. – М. : КДУ, 2006. – С. 102–107.
3. Зайцев Б. К. Жизнь с Гоголем / Б. К. Зайцев // Современные записки. – Париж, 1935. – Т. 59. – С. 272–287.
4. Кибальник С. Гоголь в экзистенциальной интерпретации Газданова / С. Кибальник // Седьмые Гоголевские чтения. – М. : ЧеРо, 2008. – С. 389–400.
5. Розанов В. В. Гоголь / В. В. Розанов // Мысли о литературе. – М. : Современник, 1989. – С. 274–281.

6. *Розанов В. В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария / В. В. Розанов // Розанов В. В. Мысли о литературе. – М. : Современник, 1989. – С. 41–158.

7. *Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй и последний / В. В. Розанов // Мысли о литературе. – М. : Современник, 1989. – С. 331–497.

8. *Розанов В. В.* Русь и Гоголь / В. В. Розанов // О писателях и писательстве. – М. : Республика, 1995. – С. 352–354.

9. *Тэффи Н.* После юбилея (Отрывки впечатлений и разговоров) / Н. Тэффи // Трудный путь. Зарубежная Россия и Гоголь. – М. : Русский Мир, 2002. – С. 231–245.

10. *Федякин С. Р.* «Инфернальный» Гоголь в русском сознании – от Мусоргского до Набокова / С. Р. Федякин // Н. В. Гоголь и Русское Зарубежье: Пятое Гоголевские чтения / под ред. В. П. Викуловой. – М. : КДУ, 2006. – С. 172–179.

11. *Федякин С. Р.* Толстовское начало в творчестве Гайто Газданова / С. Р. Федякин // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур. – М. : ИНИОН РАН, 2005. – С. 96–102.

12. *Nabokov V.* Gogol, Tourgueniev, Dostoïevski / V. Nabokov. – P. : Fayard, 1999. – 443 p.

Надійшла до редколегії 10.03.2017 р.